

Цзи Синье наклонился, пытаясь поднять с пола человека, который всё тянул и тянул его за полу одежды.

Разногласия с этим ленивцем — дело семейное, и выставять их на посмешище посторонним не было никакой нужды. Ухватившись за руку Цзи Синье, он с силой потянул, и послышался резкий звук — ткань в районе плечевого шва не выдержала и разошлась. Одежда на Шэнь Ланьшу сидела до того плотно, что казалась натянутой до предела.

Атмосфера на мгновение застыла.

Шэнь Ланьшу, не моргнув глазом, опираясь на руку Цзи Синье, поднялся с пола. Снова раздался треск, повеяло прохладой, и лицо его вмиг перекосилось.

Цзи Синье поначалу даже подумал, что в этом ресторане ужасное качество униформы.

Внезапно перед глазами мелькнуло: фигура, словно выпущенная из лука стрела, вылетела из кабинки, метнулась в соседнюю дверь и с грохотом захлопнула её. Вскоре Ли Сэнь, прихватив одежду, постучался в ту же дверь.

Поняв, что произошло, Цзи Синье наконец не сдержался и рассмеялся в голос.

— Цинъянь?

— М? — Цзи Синье отвел взгляд от соседней двери и наконец посмотрел на Цзи Синье.

Тот сцепил руки в замок на столе, костяшки пальцев под светом ламп казались белее мела. В глазах его, казалось, застыла улыбка, но в глубине скрывалось что-то иное. Он словно очнулся от забытья:

— Что ты только что сказал?

— Ты... — Цзи Синье хотел спросить: хочешь ли ты вернуться со мной в Жунши? Но, увидев своими глазами, как Шэнь Ланьшу довел Цинъяня до белого каления, а потом заставил его смеяться, он невольно усомнился: пойдёт ли за ним Цинъянь?

Цинъянь, которого он знал, казалось, никогда по-настоящему не злился.

И, кажется, никогда не смеялся, тем более в голос.

В его памяти Цинъянь всегда был холодным, гордым и отстраненным, словно в этом мире не существовало ничего, что могло бы вызвать у него искреннюю радость или глубокую печаль.

Даже когда умер дедушка, он лишь прятался в пустом углу и украдкой вытирал слезы.

— Цинъянь.

Он опустил веки и, помолчав, прохрипел:

— Я... я люблю тебя.

— Любишь меня? — Цзи Синье склонил голову, с недоумением глядя на собеседника.

Свет отражался на его фарфорово-белых щеках, словно покрывая их сиянием.

Цзи Синье не выдержал и поднял взгляд. В глазах, которые в его воспоминаниях вечно были подернуты дымкой, сейчас читались ясность и легкое недоумение.

— Но разве мы не договаривались быть братьями всю жизнь?

Братьями всю жизнь?

Цзи Синье крепче сжал руки, услышав продолжение:

— К тому же, у меня сейчас есть парень.

Сказав это, Цзи Синье невозмутимо поднял руку с бриллиантовым кольцом.

Красный камень в свете ламп сиял, как капля живой крови, подчеркивая прозрачность кожи на его пальцах. Даже несмотря на то, что Цзи Синье заранее подготовился, вид этого кольца больно полоснул его по сердцу.

От этого укола он внезапно разгорячился:

— Разве ты не любил меня? В ту ночь на мое восемнадцатилетие, ты сказал это мне, пьяному, прямо на ухо.

— Ты слышал? — Цзи Синье перевел взгляд с кольца на собеседника, в глазах мелькнуло удивление, хотя в глубине души он не был так уж поражен.

Какое странное совпадение.

Он скользнул взглядом по силуэту за дверью: Цзян Цинъянь только что признался в любви, а Цзи Синъе тут же привел девушку?

Просто он не знал, как вести себя с братом, с которым вырос вместе. Отказать напрямую — боялся ранить чувства, вот и выбрал такой способ. Цзи Синъе предположил, что Цзи Синъе специально брал Цзян Цинъяня на свидания, чтобы не только подчеркнуть, что он натурал, но и окончательно закрепить за собой этот имидж.

Если подумать, частая смена девушек у Цзи Синъе началась именно после того случая.

А Цзи Синъе, столкнувшись с удивленным взглядом Цзи Синъе, вдруг пожалел о своей импульсивности.

В те годы он не хотел ранить чувства Цинъяня и мог лишь косвенно намекнуть на свою ориентацию, заводя девушек. А что касается привычки брать его на свидания — он сам не понимал, было ли это просто старой привычкой или в его сердце уже зародилось неясное чувство, которое он не хотел признавать.

Теперь казалось, что верно второе.

Он посмотрел на него долгим взглядом и, не в силах скрыть боль, опустил голову:

— Прости.

— Тебе не нужно извиняться передо мной. — Цзи Синъе не был тем самым Цзян Цинъянем, поэтому не мог разделить его чувства, к тому же настоящий Цзян Цинъянь уже ушел, и он бы этого не услышал. — Когда я любил тебя, это было добровольно. Твое право — не отвечать взаимностью. Теперь я перевернул страницу, у меня новые отношения, и я надеюсь, что ты проявишь уважение.

Но Цзи Синъе не хотел сдаваться и резко поднял голову:

— Неужели нет ни единого шанса?

— Нет. — Цзи Синъе ответил прямо: — Прошлое осталось в прошлом. Ты по-прежнему мой хороший брат.

— Хороший брат? — Это был второй раз, когда он слышал это слово после их встречи.

Он смутно припомнил, как сам когда-то повторял ему снова и снова: дорогая, мы всегда будем хорошими братьями, хорошими друзьями. Оказывается, слышать такой отказ от любимого человека — это такая боль.

Он услышал это всего дважды, а сердце словно пронзили ножом, отчего лицо стало мертвенно-бледным.

Каково же было Цинъяню, который слышал это годами?

Он попытался растянуть губы в улыбке, чтобы хоть как-то утешить того, кто когда-то молча его любил.

Но стоило уголкам губ едва приподняться, как глаза зашипало, и горячая слеза сорвалась, упав на тыльную сторону ладони. Она обожгла кожу, и слезы хлынули потоком.

Он не хотел выглядеть так жалко перед Цинъянем.

Но ничего не мог с собой поделать, потому что никогда еще не осознавал так ясно: он потерял Цинъяня. Потерял навсегда.

Он думал, что сможет вернуть его.

Думал, что стоит ему обернуться, как Цинъянь все еще будет там.

Но все это были лишь его мысли. На деле же он давно потерял ту «жену», которая всегда следовала за ним по пятам и которую можно было найти, просто обернувшись.

Это осознание пришло к нему впервые.

— Ты...

— Прости, Цинъянь, я вспомнил, что у меня есть срочное дело. — Цзи Синье внезапно встал, перебив его, и, не смея взглянуть в лицо, развернулся и быстрым шагом вышел из кабинки.

На повороте он столкнулся с кем-то плечом.

Буркнув извинение, он поспешно покинул ресторан.

Шэнь Ланьшу, с которым он столкнулся, с довольным видом потер плечо, а его улыбка едва не доходила до ушей. В этот момент из кабинки до него донесся тихий голос:

— Все услышал? Заходи уже.

— ... — Улыбка на его лице медленно застыла. Через мгновение он потер лицо, чтобы не

выглядеть слишком самодовольным, и, глубоко вздохнув, вошел в кабинку.

Люстра в зале заливала комнату ярким светом, отражаясь на его неестественном лице.

Он прикрыл за собой дверь и, сохраняя вежливую улыбку, сел на место, где только что сидел Цзи Синье:

— Цинъянь, закончили?

— Разве ты не все слышал? — с легкой иронией отозвался Цзи Синье.

— ...Я виноват, не стоило подслушивать.

Боясь гнева своего парня, Шэнь Ланьшу, обмякнув, опустился на колени прямо перед ним. Он схватил его руку и прижал к своей щеке, сглотнув:

— Если ты все еще злишься, ударь меня, чтобы выпустить пар.

Цзи Синье не шелохнулся.

Он просто смотрел сверху вниз на мужчину.

Красивое лицо с четкими линиями, глубокие, выразительные черты.

Он поднял голову, и свет ламп отразился в его встревоженных глазах, но в самой глубине плескалась нескрываемая радость. Рука, лежавшая на его лице, вдруг сжалась, двумя пальцами он ущипнул его за щеку и потянул:

— Ладно, вставай и зови официанта, я проголодался.

Сказав это, он убрал руку.

И это все?

Шэнь Ланьшу поднялся, нажал на кнопку вызова официанта, сделал заказ. Они поужинали, и даже когда они вышли из ресторана и сели в машину, направляясь к вилле, он все еще не мог в это поверить, а в душе начало зарождаться беспокойство.

Он посмотрел на того, кто прикорнул, откинувшись на спинку сиденья.

В салоне было темно, лишь уличные фонари изредка скользили по его профилю, но слишком быстро, чтобы разглядеть выражение лица. Невозможно было угадать, что скрывается за этой изящной маской.

Его только было успокоившееся сердце снова сжалось.

Цинъянь назвал его поведение поведением извращенца, и он невольно задумался: а правда ли это так?

Если бы он сам обедал с друзьями, а Цинъянь ворвался бы, переодевшись официантом, да еще и без разбора обвинил бы его в свидании с другим мужчиной — он не мог себе этого представить.

Потому что стоило лишь подумать об этом, как волна обиды захлестнула бы его разум.

А если взять кого-то другого? Если бы Цзянмянь обедала с друзьями, а её будущий парень ворвался бы под видом официанта и обвинил её в измене — с её характером расставание на месте было бы самым мягким исходом.

От этой мысли он невольно издал тихий звук.

Цзи Синъе приоткрыл глаза и взглянул на него:

— Что случилось?

Шэнь Ланьшу промолчал, но протянул руки, пересадил его к себе на колени, обнял за талию и, прижавшись лбом к его лбу, глухо произнес:

— Прости, Цинъянь, я не проявил к тебе уважения и доверия. Ты имеешь полное право злиться на меня.

Цзи Синъе опешил.

Об этом он как раз не подумал.

Злость была вызвана лишь тем, что поведение Шэнь Ланьшу нарушило его границы, напомнив о тех трех тысячах лет, проведенных в заточении, где каждый день накапливались удушье и обида. Но после слов Шэнь Ланьшу он наконец понял, откуда бралось это чувство.

Недостаток уважения и доверия.

Это заставляло его чувствовать, что Шэнь Ланьшу воспринимает его как вещь, которой можно владеть.

— Ты больше не будешь так поступать? — тон Цзи Синье смягчился, раз тот способен к рефлексии.

— Если я скажу нет, ты наверняка не поверишь, да и я сам не уверен...

Он замолчал. Если появится еще один такой, как Цзи Синье, он не знал, не вернется ли к старым привычкам, пытаясь всё контролировать.

Но его поведение было неприятно Цинъяню, что могло разрушить их отношения, поэтому он должен был измениться. Он искренне сказал:

— Цинъянь, я беру свои слова назад. Мое отношение к чувствам действительно незрелое, даже хуже, чем у двадцатилетних юнцов.

Но у меня есть преимущество перед молодежью: жизненный опыт позволяет мне быстро анализировать ситуацию после того, как я остыну, делать выводы и учиться на ошибках. Отношения требуют притирки, а она состоит из постоянных проб и исправлений. Я надеюсь, что в процессе этих проб ты дашь мне шанс исправиться.

Звучало красиво.

Но если вдуматься, в этой длинной речи скрывался лишь один смысл: я знаю, что был неправ, но могу повторить ошибку.

Цзи Синье знал, что это инстинкт, вбитый в самую душу этого ленивца.

Если бы Шэнь Ланьшу просто сказал «больше не повторится», он бы насторожился, не замышляет ли тот чего-то еще. А так, объективно признав свои проблемы и продемонстрировав решимость, он дал повод надеяться на лучшее. Впрочем...

Долгое молчание Цзи Синье заставило сердце Шэнь Ланьшу уйти в пятки.

Время словно растянулось, став невыносимо медленным. Он смотрел на его губы, боясь моргнуть, чтобы не пропустить ответ, и даже дыхание затаил.

Лишь когда удушье стало невыносимым и в глазах поплыло, тонкие губы наконец разомкнулись.

— Бог любит троицу, я даю тебе два шанса.

Из-за нехватки кислорода его мозг работал медленно.

Он еще не успел осознать смысл, как услышал:

— Шанс — это шанс, но наказание никто не отменял.

Цзи Синье ткнул пальцем ему в щеку, отталкивая, и задумчиво произнес:

— Бить или ругать тебя — толку мало. Давай так: с сегодняшнего вечера ты спишь в своей комнате.

— ... — Шэнь Ланьшу, который только-только распробовал вкус близости, инстинктивно хотел запротестовать.

Но, встретившись с насмешливым взглядом Цзи Синье, он проглотил слова и лишь слабо пробормотал:

— И как долго мне спать отдельно?

— Это зависит от того, когда я остыну.

Шэнь Ланьшу открыл рот:

— Хорошо.

С легким вздохом он обнял его крепче, возвращая себе прежнее спокойствие, и низким голосом прошептал:

— Малыш, мне очень жаль, и я люблю тебя.

Из-за своей одержимости он пренебрег чувствами Цинъяня.

Но это не оправдание, поэтому он готов понести наказание.

Машина мчалась по оживленным улицам.

Цзи Синье молча сидел в его объятиях, а потом внезапно спросил:

— Ты ведь был в родовом поместье? Как ты оказался в ресторане?

При упоминании поместья Шэнь Ланьшу поспешил открыть перегородку:

— Ли Сэнь, в поместье.

В залитом огнями переднем дворе собралась целая толпа.

Цзи Синъе еще издали услышал шум, напоминающий базарную площадь, где все кричали разом, так что невозможно было разобрать, кто есть кто.

Войдя в зал, он окинул взглядом собравшихся. Все были в сборе, кроме четвертого и шестого. Спокойнее всех выглядела третья ветвь семьи. У отца Шэнь лицо было серым от гнева, глаза Шэнь Цзянмянь покраснели, мать Шэнь тоже выглядела не лучшим образом.

А глава семьи, сидя на почетном месте, опирался на трость, его седые волосы были уложены волосок к волоску, и он с непонятным выражением наблюдал за ссорой семьи второй ветви.

— Я спрашиваю вас, что на уме у вашей дочери? Зачем так подставлять моего сына?

Это кричал багровый от ярости второй дядя, Шэнь Пинчжоу.

— К тому же, мы все внуки деда. Шэнь Ланьшу транжирит деньги, кто в кругах не знает, как он сорит ими ради бриллиантов?

Не говоря уже о недавнем — недавно он потратил четыреста миллионов на бесполезный камень, и вы слова не сказали! А мой сын всего лишь потратил немного денег, чтобы угостить сослуживцев, и вы уже приплели семейный кодекс! Считаете, что моего сына легко обидеть?

Последняя фраза прозвучала особенно яростно.

— Второй брат, имей совесть! Если бы не моя дочь, твоего сына до сих пор держали бы в клубе на потеху публике!

Мать Шэнь, ничуть не уступая, с напором ответила:

— Ты еще смеешь сравнивать своего сына с моим? Мой сын умеет зарабатывать деньги, а твой? И к тому же...

Она тяжело поставила чайную чашку на стол и усмехнулась:

— Ты сам не понимаешь, почему отец наказал шестого? Он военный! Устав четко гласит: действующим военным запрещено посещать увеселительные заведения. А посмотри, что он сделал?

Мало того что сам пошел, так еще и сослуживцев потащил развлекаться. Это уже не вопрос денег, это нарушение воинской дисциплины! Он опозорил имя клана Шэнь!

— Невестка, мой шестой нарушил дисциплину, его накажут по закону, но кто может сравниться с твоим сыном в плане позора?

Разве ты не слышала, что говорят снаружи? Если не слышала, я расскажу: взрослый мужик повсюду представляет парня по фамилии Цзян из Жунши как своего жениха. Старший внук клана Шэнь сошелся с женщиной, да еще и увел жениха, которого дед прочил Цзянмянь! Кто на самом деле позорит наш клан?

Шэнь Пинчжоу был невероятно силен в словесной перепалке, и бизнес-леди мать Шэнь на мгновение лишилась дара речи — ведь это была правда.

Отец Шэнь, Шэнь Бочжоу, с мрачным видом ударил по столу:

— Довольно!

— Нет! — он не унимался, продолжая: — Я говорю, что столько лет не женится, девушек не заводит — оказывается, любит ходить через черный ход. Брат, не обижайся на мою прямоту, но у тебя в этой ветви только один сын, и если он сошелся с мужиком — это конец роду...

— Заткнись!

— Не твое собачье дело!

Два голоса раздались одновременно.

Первый — это взревел дед. Он сверлил Шэнь Пинчжоу взглядом, грудь его тяжело вздымалась, руки, сжимавшие трость, дрожали. Второй — Шэнь Ланьшу. Он отбросил прежнюю покорность и, уверенно управляя инвалидным креслом, подъехал к деду.

Затем его крепкая фигура развернулась, и ледяной взгляд, холодный, как бездна, устремился на Шэнь Пинчжоу. На лице застыл иней, а в бровях проступила неприкрытая жестокость:

— Только у тебя одного есть язык?

Сплетничать за спиной младшего, да еще и быть пойманным с поличным — Шэнь Пинчжоу немного оробел.

А после окрика деда он и вовсе почувствовал, что перегнул палку. Но в ярости легко потерять рассудок, к тому же его шестой сын лежал в постели, а никто из присутствующих не хотел помочь, лишь подливали масла в огонь.

Но чтобы Шэнь Ланьшу, младший, посмел так с ним разговаривать — он поднял подбородок и, приняв позу старшего, рявкнул:

— Ты так разговариваешь со старшими?

— Со старшими, которые перемывают кости младшим за спиной?

Шэнь Ланьшу произнес это с явным презрением:

— Я называю тебя вторым дядей, но ты что, правда возомнил себя чем-то значимым?

От таких слов племянника лицо Шэнь Пинчжоу пошло пятнами.

Он открыл рот, чтобы отчитать его, но Шэнь Ланьшу не дал ему шанса:

— В таком возрасте ничего из себя не представляешь. Пока дед был у власти — жил за его счет, дед ушел — живешь за счет второй тети, братьев. Ты, бесполезный человек, как у тебя хватает наглости меня поучать?

Я люблю мужчин, и что, я нарушил закон?

Мои родители не против, так какое тебе дело? Это задевает твою честь? Если чувствуешь себя оскорбленным — прояви характер, убирайся из этого дома прямо сейчас и скажи всем, что не признаешь такого племянника, как я! Порви отношения с моей ветвью!

Шэнь Пинчжоу, только что такой красноречивый и язвительный, был в ярости.

Но, как ни странно, он промолчал.

— Ты посмеешь?

— Ланьшу, ты перегнул, — третий дядя, Шэнь Шучжоу, который до этого молча наблюдал, отставил чашку с чаем. — Как ты можешь так говорить со вторым дядей?

— Ты тоже помолчи!

Шэнь Ланьшу сейчас был в таком состоянии, что никто, кроме своих, ему не нравился:

— Когда он поливал грязью моих родителей, почему ты не сказал, что он перегнул?

Он был в ярости и готов был наброситься на любого:

— Обычно я уважаю вас, потому что мои родители и дед меня так воспитали. Но не злите меня! Я — Шэнь Ланьшу, человек непутевый, в свое время дед гнал за мной четыре квартала, когда я ушел из армии, и даже это не изменило моих намерений. Если вы припрете меня к стенке, не надейтесь получить от меня больше ни гроша!

Сказав это, он позвал старого дворецкого.

Вместе с ним он выпроводил всех из зала.

Вернувшись в главную усадьбу, дед, до этого державшийся из последних сил, совсем сник.

<http://bllate.org/book/19897/1958736>